выдерживают сложное структурное построение. К примеру, в гражданском процессе судьи имеют возможность выносить заочные, суммарные, согласованные решения по упрощенной процедуре судебного рассмотрения, без длительного судебного разбирательства, а также разрешать правовые споры без вынесения судебного решения.

1. Holdsworth. William S. A history of English law. In 11 vol. 4th ed. London, Methuen. 1937. Vol. 6. XXXII, 719 p.
2. https://zakon.ru/keyword/anglijskoe_pravo/mvc/AmountView
3. Lewis Emanuel & Son Ltd v Sammut [1959] 2 Lloyd's Rep 629 цит. по Treitel G. H. Treitel on the Law of Contract. – London, Sweet & Maxwell, 11th Revised edition, 2003. P. 870.
4. Pollock F., Maitland F. History of English Law. London, 1923. Vol. 1. P. 165. / Вестник МГУ Серия 11. 2'2015. – С. 104.
5. Сулейменов М.К. Английское право и правовая система Казахстана// <https://www.zakon.kz/4760217-anglijskoe-pravo-i-pravovaja-sistema.html>
6. Аналитическая справка по изучению международного опыта применения прецедентного права и перспектив его внедрения в национальное законодательство, Международный Совет Верховного Суда РК, 2017.
7. Богдановская И.Ю. Статут в английском праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук / АН СССР, Ин-т государства и права. М., 1983. – 25
8. Габитов М.Р. Становление основ западной модели государственности и права в Англии // Право и государство: теория и практика = Law a. state: theory a. practice. М., 2006. - № 11. - С. 36-51.
9. Дженкс Э. Английское право. М.: Юрид. изд., тип. им. Евг. Соколовой в Лгр., 1947.-378 с.
10. Марченко М.Н. Основные источники англосаксонского права: понятие, прецедент // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1999. № 4. С. 26-41.
11. Прецедентное судопроизводство и прецедентное право (сравнительно-правовой анализ): учебное пособие / под ред. Т.Е. Каудыров. – Астана, 2018г. – 99с.

Овсянников Ю.Н.

О принуждении, как полицейско-правовом институте

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-08-2020-193

idsp: ljournal-08-2020-193

Аннотация

В статье в сравнительно-правовом и ретроспективном аспектах рассматриваются два основных административно-правовых метода (убеждения и принуждения), обосновывается позиция о доминировании метода принуждения, который носит полицейско-правовой характер и является максимально эффективным, когда полицейско-правовое принуждение осуществляется одновременно и во взаимодействии всеми субъектами правоохранительной (полицейской) деятельности.

Ключевые слова: убеждение, принуждение, правовое государство, “полицейское” государство, полиция, правоохранительные (полицейские) функции, субъекты правоохранительной (полицейской) деятельности.

Abstract

The article considers two main administrative and legal methods (persuasion and coercion) in comparative legal and retrospective aspects, it substantiates the position of the dominance of the method of coercion, which is of a police-legal nature and is most effective when police-legal coercion is carried out simultaneously and in cooperation with all subjects of law enforcement (police) activities.

Keywords: persuasion, coercion, legal state, “police” state, police, law enforcement (police) functions, subjects of law enforcement (police) activities.

Управление общественными и государственными делами невозможно без использования деятельных способов воздействия на поведение и сознание людей. Юридическая наука в качестве таких способов называет два универсальных метода управления – *убеждение и принуждение*.

В демократическом обществе, основой которого является уважение прав и свобод человека и гражданина, соответственно и отношения между членами этого общества должны основываться на первичном применении мер убеждения.

В юридической литературе убеждение представляется в качестве основного, главного метода деятельности демократического государства. Принуждение же, традиционно рассматривается в качестве неглавного, вспомогательного метода.

Думается, что такое определение убеждения по отношению к принуждению не вполне корректно. Анализируя сущность убеждения и принуждения, следует согласиться с тем, что в демократическом государстве меры убеждения всегда должны предшествовать мерам принуждения, т. е. любое воздействие на поведение и сознание людей должно исходить из презумпции обладания людьми правосознанием. Но подобный подход к осуществлению управленческой и правоохранительной деятельности, которая должна начинаться с убеждения, вовсе не свидетельствует о том, что метод убеждения является главным. И, прежде всего, потому, что на принуждении, на ответственности членов человеческого общества друг перед другом и перед обществом в целом зиждется сама идея права. Пока общество не достигло необходимого уровня правосознания и правовой культуры невозможно представить реализацию права, необеспеченного мерами принуждения. Именно широта применения мер принуждения определяет объём мер убеждения, а не наоборот. И это обуславливается тем, что принуждение представляет собой “необходимый элемент всякой социальной организации и “качество всякой власти” [1, с. 294]. Таким образом, содержанием, вкладываемым данной конкретной властью в понятие “принуждение”, определяется соотношение названных методов и сама сущность власти.

В условиях современного правового государства принуждение хотя и не первичный, но, как и прежде, главный метод, имеющий решающее значение при осуществлении власти, реализация полномочий которой посредством этого метода возможна лишь при условии применения мер принуждения в формах и границах, соответствующих понятию “правовое государство”. Поэтому мы и попытаемся выяснить, что собой должно представлять принуждение в демократическом, правовом государстве.

В обществе существуют разнообразные виды принуждения, которые можно классифицировать по определённым критериям. Так, например, можно различать принуждение в зависимости от оснований его применения, от метода, субъекта и объекта воздействия.

В качестве оснований применения мер принуждения может выступать:

- а) правонарушение;
- б) наступление особых условий, которые являются причиной применения мер принуждения при отсутствии правонарушения и вины человека;
- в) волюнтаризм – политика, которая не учитывает объективные законы исторического процесса, определяемая произвольными решениями лиц её осуществляющих.

В зависимости от способов, приёмов воздействия следует отличать, как уже было показано, принуждение психическое, имущественное, организационное и физическое.

Психическое принуждение характеризуется как непосредственным, так и опосредованным другим видом принуждения воздействием на сознание человека в форме его устрашения, либо пристыжения.

Имущественное принуждение затрагивает материальную сферу лица.

Организационное принуждение вносит изменения в социальный статус субъекта. Его примерами являются лишение прав и лицензий, увольнение, исключение, ликвидация организаций.

Физическое принуждение, воздействуя, прежде всего, на поведение лица, может быть направлено как на личность, так и на её имущество.

По субъектному критерию следует выделять государственное и негосударственное принуждение. Государственное принуждение осуществляют государственные органы и их должностные лица. Субъектом же негосударственного принуждения является гражданское общество.

В зависимости от объекта воздействия различаются принудительные меры, применяемые к индивидуальным и коллективным субъектам права.

Можно классифицировать принуждение и по иным критериям, но, основываясь на том, что в качестве “системы воспроизводства общих условий существования общества, его устойчивости и упорядоченности” [9, с. 33] выступает право, нужно принуждение делить, прежде всего, на правовое и неправовое.

Поэтому, именно в рамках этих двух основных видов принуждения и следует рассматривать все перечисленные и иные возможные его подвиды.

Принуждение, представляя собой, следствие стремления к властвованию, к подчинению своей воле, можно назвать правовым лишь тогда, когда оно удовлетворяет следующим требованиям:

- 1) основывается на праве;
- 2) воплощением власти является та, которая не “перешагнула социально оправданный порог своей концентрации” [2, с. 332];
- 3) в деятельности этой власти не преобладают авторитарные устремления.

При использовании же властью авторитарных методов управления или, хуже того, при попадании власти в плен групповых, узкоклассовых, этнических или идеологических интересов она (власть) стремится подчинить себе правовые институты, чтобы они стали проводниками волюнтаристских акций власти.

Здесь при формальном соблюдении властью законности происходит деформация права, т. к. авторитарными законами в ранг права возводится произвол и насилие. Примеры такого “правового” произвола можно неоднократно встретить при обращении к истории права и государства. Это и деятельность так называемых “полицейских” государств XVI – XVIII вв., которые установили тотальную и неограниченную опеку над всеми аспектами жизни общества, когда государственная власть использовала исключительно метод принуждения, не знавший предела, и фашистская Германия 30-40-х годов XX-ого века, признававшая себя правовым государством, но представлявшая собой типичную авторитарную, основанную на насилии и произволе власть, и история деятельности ВЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ.

Поэтому под неправовым следует понимать не только “нелегальное, не основанное на законе принуждение” [4, с. 440], видами которого являются преступность, охлократия, бандократия, агрессия других государств, административный произвол, но и так называемое “легальное” [4, с. 440] принуждение, имеющее своим основанием авторитарно-волюнтаристские законы.

Ещё Аристотель в своём произведении “Политика”, обосновывая необходимость соответствия законного принуждения правовому, отмечал: “Не может быть законным властвование не только по праву, но и вопреки праву, а подчинять возможно и вопреки праву” [3, с. 223]. Если наличие “политического общения” (правоотношений), по Аристотелю, возможно лишь между свободными и равными, то и средства правового принуждения, применяемые с целью реализации нормы права, выступают в качестве согласованной воли участников этих правоотношений и “направлены лишь к устранению какого-либо зла” [3, с. 241]. То есть, эти средства, имеющие исключительно охранительную направленность, служат обеспечению общих условий существования общества. В то время как средства неправового принуждения

характеризуются авторитарно-волюнтаристским способом принятия решений об их применении, служат достижению целей узкой группы лиц и, как правило, имеют вид произвола и насилия.

Неправовое принуждение возникает в обществе подверженном авторитарно-волюнтаристским тенденциям. Причинами этих тенденций могут явиться экономические, этнические, идеологические, классовые либо иные разногласия в обществе. Но никакие из этих разногласий не создадут необходимых условий для перехода от правовых форм общественной жизни к произволу, если большинство членов общества, обладая понятием о добре и справедливости, встанет на защиту права. В условиях развитого гражданского общества, при приверженности его членов к ценностям демократической и правовой культуры, проявления неправоового принуждения должны пресекаться самим же обществом, не дожидаясь вмешательства государства. И это не благое пожелание, не имеющее под собой почвы, а требование, вытекающее из структуры права.

Право, выступая в качестве регулятора общественных отношений, оправдывает своё назначение только когда действует, когда реализуются его нормы, переходя в конкретные правоотношения.

Но для того, чтобы обеспечить надлежащую реализацию норм права посредством применения мер правового принуждения необходим специальный субъект правоохранительной деятельности.

Исторически за субъектами правоохранительной деятельности закрепилося понятие “полиция”.

Дело в том, что под термином “полиция” как при его возникновении понимался, так и в настоящее время понимается исключительно институт государства. Тогда как правовой феномен полиции, возникший одновременно с правом, которое намного старше государства, был первоначально представлен в качестве негосударственных субъектов правоохранительной деятельности. О неоспоримости данного посыла свидетельствуют результаты исследования эпохи первобытнообщинного (обычного) права, где полицейские полномочия принадлежали каждому члену рода.

В тяжелейших для первобытного общества условиях жизни право и соответственно его институт правового принуждения предстали в своей первоначальной чистоте. Здесь каждому до каждого и до всего, что касалось родовой общины, было дело, т. к. никто не мог даже и помыслить себя вне рода. Недаром самым тяжёлым наказанием в то время считалось изгнание из племени. Именно в первобытном обществе, не звавшем частной собственности и не имевшем авторитарно-волюнтаристских тенденций, полиция предстала одной из сторон принципа демократии, выражавшемся во всеобщем участии в правоохранительной деятельности.

Таким образом, напрашивается вывод, что полиция как правовой феномен и демократический принцип, и полиция как государственный институт находятся в соотношении как основание и надстройка.

Но тут встаёт вопрос: “А не утратили ли негосударственные субъекты правоохранительной деятельности своих полномочий с образованием государства, с институционализацией специальных правоохранительных органов, получивших название, полиция?” - Думается, что нет! Хотя, конечно же, объём их полномочий на различных этапах развития общества и в разных государствах не был одинаков.

На ранних этапах развития государственно-организованного общества, когда государство в лице его аппарата, ещё не осуществляло всеобщую регламентацию жизни своих граждан, можно было заметить одновременное действие обычного права и государственных законоустановлений. В античном Риме полномочия по применению мер принуждению принадлежали как гражданам, так и государственным институтам [7, с. 10].

По мере развития цивилизации полиция, дистанцировавшись от армии и органов общинного управления, обрела своим предназначением защиту центральной власти от

всяческих внутренних угроз (от нападков оппонентов до подавления восстаний рабов). Таковое положение полиции объяснялось тем, что государства на ранних этапах своего развития были более обеспокоены укреплением своей власти, а собственно охране правопорядка мало уделяли внимания. Поэтому в соответствии с этой спецификой древних государств и деятельность института полиции была не столько правоохранительной, сколько надзорно-репрессивной, осуществляемой посредством неправового принуждения. Таким образом, основная тяжесть правоохранительных функций в период античности лежала на таких субъектах как гражданин, община, церковь.

В эпоху средневекового абсолютизма в странах континентальной Европы появляются “полицейские государства”, которые лишили гражданское общество права на самостоятельные действия не только в сфере охраны правопорядка, но даже на деяния, относящиеся к области частного права. Сущность этих государств, по определению В. М. Гессена, заключалась в крайнем “гувернаментализме”, надзаконном и в незаконном характере действий [6, с. 33].

А вот в Великобритании до начала XIX века полицейские функции осуществлялись непосредственно гражданами: каждый домовладелец давал клятву содействовать розыску и наказанию преступников, и обязан был год отслужить в качестве констебля [12, с. 6]. Так, например, известный английский государствовед Дайси, обосновывая необходимость осуществления правоохранительных (полицейских) функций гражданами, полагал, что английский закон обязывает англичанина при каждом нарушении общественного порядка выступать в качестве представителя государства и принимать необходимые меры для предупреждения и пресечения правонарушения [8, с. 357].

В конце XVIII века в большинстве континентальных европейских стран концепция “полицейского государства” проявила свою неэффективность, т. к. негативно сказывалась на экономическом и политическом развитии общества.

Итак, даже из этого краткого экскурса в историю организации правоохранительной (полицейской) деятельности, мы можем увидеть, что на всех этапах развития общества осуществление полномочий по охране правопорядка наряду с государственными институтами было возложено на граждан, общину и церковь. Такое их место в сфере охраны правопорядка, кроме вышеназванных причин, обуславливается тем, что, как писал ещё Р. Иеринг: “Соппротивление личности неправу есть обязанность, долг; оно есть долг управомоченного к самому себе, ибо таково веление нравственного самосохранения; оно есть долг по отношению к обществу, ибо необходимо для осуществления права” [10, с. 49].

Прав профессор Бельский К. С., когда пишет, что: “Общественный порядок охраняется, прежде всего, гражданами. Государство не в состоянии обеспечить любую общественную точку (улицу, переулок, подъезд дома) нарядом милиции” [5, с. 101].

Пресечение гражданином посягательства на правопорядок со стороны других лиц или защита его в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны свидетельствует о его активном правомерном поведении и инициативной законной деятельности. Так, имеющиеся в уголовном и административном праве институты крайней необходимости и необходимой обороны имеют своей целью привлечение населения к активному участию в борьбе с правонарушениями, их предупреждению и пресечению.

На участие граждан в охране правопорядка посредством применения ими мер правового принуждения указывал ещё в середине XIX века известный русский полицейист В.Н. Лешков, отмечавший: “Очевидно, что самое пресечение, эта исключительная деятельность полиции, совершается полицией не исключительно, но не без содействия жителей, народа” [13, с. 30-31]. Вообще В. Н. Лешков полагал, что подлинная охрана правопорядка осуществляется не в верхних этажах власти, не в правительстве, а внизу, в самой мелкой общественно-территориальной единице – в

общине. К такому же выводу, но уже в 70-х годах XX века пришёл видный административист А. П. Коренев [11]. Несколько позже, в 90-х годах, К. С. Бельский совершенно верно заметил, что “вне общины проблема охраны общественного порядка будет сведена исключительно к полицейскому принуждению” [5, с. 102], разновидностью которого, в частности, является административный произвол. Ведь именно негосударственные субъекты правоохранительной деятельности менее всего подвержены авторитарным тенденциям. И поэтому выступая в качестве основы правового феномена полиции, являющегося необходимым элементом структуры права, именно эти субъекты более всего склонны к правоохранительной деятельности.

Таким образом, полицейско-правовое принуждение, как нам представляется, имеет место лишь в том обществе и государстве, где полиция понимается, прежде всего, как правовой феномен и демократический принцип, а уже потом как институт государства. То есть, обязательной составной частью полицейских сил должны являться негосударственные субъекты правоохранительной деятельности, принадлежность которых к полиции означает не организационную подчинённость какому-либо государственному учреждению, а их вхождение на правах правового института (наряду с правовым институтом государственных субъектов правоохранительной (полицейской) деятельности) в отрасль полицейского права.

Отсюда, субъектом правоохранительной (полицейской) деятельности следует признавать лицо, наделённое в соответствии с законом полномочиями на применение мер правового принуждения.

Это и государственные органы (должностные лица), осуществляющие охрану общественного порядка, и гражданин, пресекающий правонарушение, и работодатель, увольняющий прогульщика, и работники, реализующие своё право на забастовку, и орган общественного объединения, прекращающий полномочия функционера.

Таким образом, мы можем говорить о существовании исключительно полицейско-правового принуждения, посредством применения мер которого реализуются нормы, предусматривающие уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность.

Основываясь на изложенном, представляется возможным сделать вывод о том, что посредством применения (угрозы применения) мер полицейско-правового принуждения, этого главного правового средства реализации норм права, повышается активность и ответственность всех субъектов права, достигаются цели правового регулирования, обеспечивается действенность права, лишь в том случае, если в осуществлении полицейско-правового принуждения принимают участие все субъекты правоохранительной (полицейской) деятельности, взаимодействуя между собой и одновременно воздействуя друг на друга.

1. Административное право: Учебник / Под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. – М.: Юристъ, 1999.
2. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: “Статут”, 1999.
3. Аристотель. Политика. Афинская полиция / Предисл. Е.И. Темнова. – М.: Мысль, 1997.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России. Учебник для вузов. – М.: Изд. НОРМА, 2000.
5. Бельский К. С. Феноменология административного права. Смоленск, 1995.
6. Гессен В. М. Лекции по полицейскому праву, читанные в 1901-1902 гг. в Александровской военно-юридической Академии. СПб., 1902.
7. Губанов А. В. Полиция зарубежных стран. Организационно-правовые основы, стратегия и тактика деятельности. – М.: МАЭП, 1999.
8. Дайси А.В. Основы государственного права в Англии. М., 1905.
9. Ершов Ю. Г. Философия права (материалы лекций). – Екатеринбург, 1995.
10. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991.
11. Коренев А. П. Опорные пункты правопорядка. – Правоведение, 1978, № 2.
12. Крылов Б. С. Полиция Великобритании: основные черты организации и деятельности. М., 1974.
13. Лешков В. Н. О мерах против воровства, грабежа и других нарушений имущественной и личной безопасности. М., 1861.